

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/politics/novaya-antichnost-protiv-novogo-srednevekoviya>

• Автор: [Мария Энгстрем](#)

[«Новая Античность» против «Нового Средневековья»](#)

С момента выхода «Дня опричника» (2006) и «Теллурии» (2013) Владимира Сорокина и фильма «Трудно быть богом» (2014) Германа-старшего общим местом стало описание российской современности или близкого будущего как нового средневековья. Постсекулярная Россия раздроблена на мелкие княжества, где заправляют православные опричники, которые в перерывах между политическим насилием предаются различным сексуальным девиациям, а новые информационные технологии кормят пассивное население, копающееся в грязи и нечистотах, фейками и постправдой.

Вторая и менее апокалиптическая версия нового средневековья – это урбанизм «с человеческим лицом» и «мягкая архаизация»: бывшие индустриальные помещения становятся кластерами галерей современного искусства и баров с крафтовым пивом, число городских парков и зеленых зон растет, в

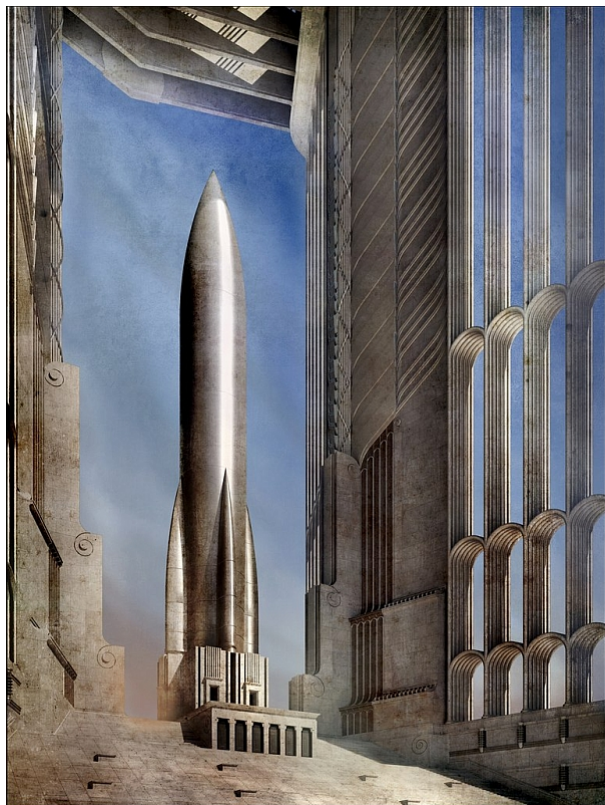
стране процветает новое фермерство, молодежь исповедует идеалы нового аскетизма.

Концепция «Нового Средневековья» разрабатывалась рядом русских мыслителей, в частности, Николаем Бердяевым в одноименном эссе «Новое средневековье» (1924 г.), но стала широко обсуждаться после выхода написанного в эпоху энергетического кризиса эссе Роберто Вакка «Ближайшее средневековое будущее» (1973 г.), ставшего концептуальным источником целого ряда кинематографических шедевров постапокалиптического жанра. На популярность концепции «Нового средневековья» также сильно повлияли бестселлер Умберто Эко «Имя розы» (1980 г.) и его теоретическая работа «Средние века уже начались» (1994 г.).

В общественно-политическом дискурсе понятие «Новое Средневековье» сегодня применяют при характеристике новой идеологической роли Русской православной церкви, а концепция «традиционных ценностей» и новые законодательные инициативы Госдумы [нередко описываются как «конец Просвещения»](#).

Однако, обратившись непосредственно к трудам представителей современной радикально-консервативной мысли – А. Проханову, А. Дугину, М. Калашникову, – мы увидим, что главной метафорой в их проектах является отнюдь не цеховое средневековье и традиционные ценности, а имперский неоиндустриализм. В консервативной оптике именно существующий неолиберальный олигархический глобализм предстает как «Новое Средневековье», в то время как консервативная утопия (Новороссия, СССР-2.0, Евразийская империя) – это реставрация республиканской идеи и индустриальной империи. К примеру, консервативный футуролог Максим Калашников описывает недалекое будущее, выстроенное глобальным олигархатом, термином «новый феодализм», где «островки рая», т.е. богатые территориальные образования, стержнем которых являются транснациональные корпорации, обладающие независимой инфраструктурой и своей армией, отделены от остального бедного мира стеной.

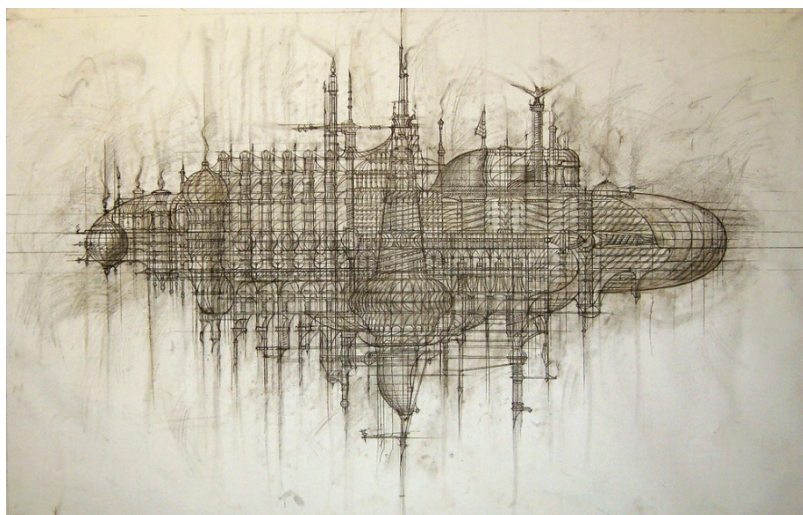
В качестве альтернативы постиндустриальному новому средневековью консервативные утописты предлагают имперский ремодернизм, который характеризуется сплавом левой идеи социальной справедливости и правой идеи преодоления фрагментации и локализации через ослабление корпораций и олигархии и усиление государства. Практический путь достижения этого идеала видится в реализации программы нового индустриализма. Эстетическим выражением этих идей стал стиль, который можно охарактеризовать как *индустриальный неоклассицизм*, отсылающий как к греко-римской античности, европейскому Просвещению, так и к советскому модернизационному проекту, эпохе индустриализации и освоения космоса.

Степан Липгарт, *Триумфальная арка*, 2012-2015. Компьютерная графика, 55x76

К русскому индустриальному неоклассицизму можно отнести целый ряд крупных современных художников, которые в 1990-е годы сотрудничали или входили в круг Тимура Новикова, Новую Академию и «Клуб друзей Маяковского». Среди них – Георгий Гурьянов, Алексей Гинтовт, Алексей Морозов, Михаил Розанов, Денис Егельский, Наталья Жерновская, товарищество «Свинец и Кобальт» (Сергей Сонин и Елена Самородова), группа Doping-Pong. В стиле индустриальной неоклассики работают художники нового поколения, соотносящие себя с неоакадемизмом Новикова, – Антон Чумак, Степан Липгарт и Анастасия Заборовская.

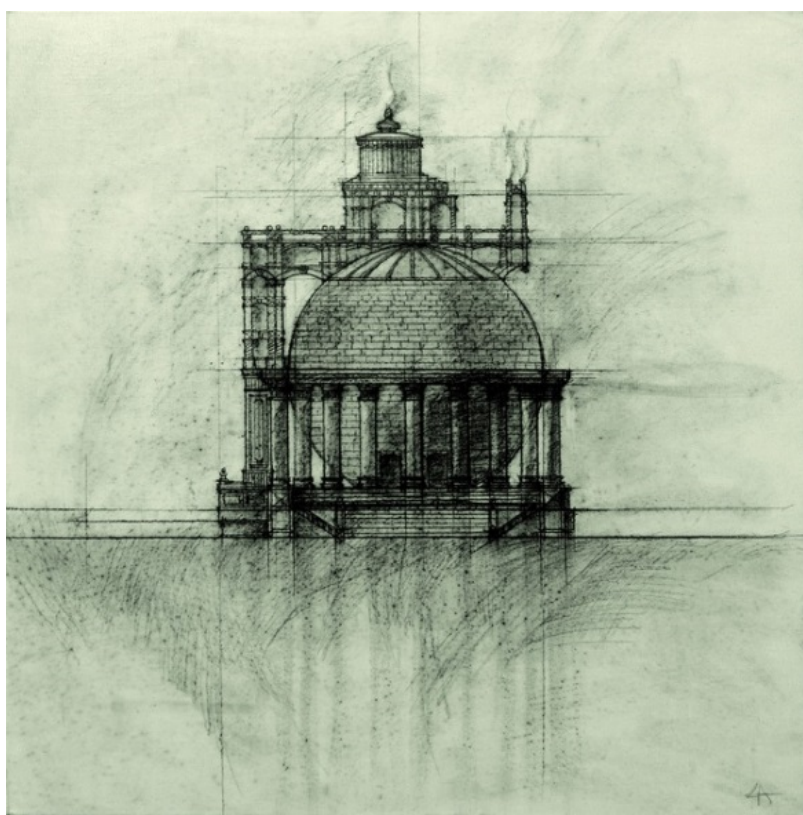
Язык классической фигуративности, отвергнутый после Второй мировой войны как потенциально тоталитарный, и индустриальное возвышенное, ассоциирующееся с загрязнением окружающей среды и биополитикой модерна, выступают в творчестве художников этого направления средством визуализации проекта альтернативного глобального будущего. Мир консервативной утопии стерилен, механистичен и строг, субмарина-ковчег везет в будущее не животные пары, а колонны, купола и дымящиеся трубы (см. работу Антона Чумака «Ковчег»).

Антон Чумак, *Ковчег*, 2014-2016.

Работы Алексея Гинтовта, Антона Чумака и Степана Липгарта отсылают к богатой традиции бумажной архитектуры как искусству утопии – к сюрреалистическим проектам эпохи классицизма, прежде всего, визионерским замыслам и мегаломании Джованни Баттиста Пиранези (1720-1778 гг.), Этьена-Луи Булле (1728-1799 гг.), Клода-Николя Леду (1736-1806 гг.) и Жан-Жака Лекё (1757-1826 гг.), а также советской бумажной неоклассике.

Так, композиция «Реконструкция №2» из проекта Антона Чумака «Храм огня» является визуальной цитатой сферического «Кенотафа Ньютону» (1784 г.) Булле и следует принципам геометрического стиля и «говорящей архитектуры» (*architecture parlante*) европейского классицизма. Выставка скульптора Алексея Морозова [«PONTIFEX MAXIMVS/LE STANZE»](#), прошедшая весной 2017 года в Московском музее современного искусства (ММОМА), прославляет мостостроителя и верховного жреца, который соединяет античность и нашу современность, преодолевая фрагментарность не только территориальную, но и временную.

Антон Чумак, Реконструкция №2', проект «Храм Огня», 2012

Проекты индустриального неоклассицизма можно трактовать как визуализацию идей позднего Юнгера, где рабочий уже не только повелитель техники, а «Сын Земли». Эрнст Юнгер (1895-1998 гг.) в своих послевоенных трудах «Лесной путь» (1951 г.) и «У стены времени» (1959 г.) предлагает консервативную критику модерна и осмысляет возможности преодоления разрыва между рациональным и мифологическим восприятием мира. Многие художники этого направления демонстрируют интерес к мотиву «заколдовывания техники», к мифологическому восприятию техники как части природы. К примеру, видео-проект «Ловчий фрагмент. Русское стерео» товарищества «Свинец и кобальт» (2016 г.) повествует о встрече Аполлона и Артемиды в лесах Пятой империи: космические двигатели и капсулы соседствуют с березовыми колоннадами и еловыми портиками, отсылая зрителей к русскому палладианству Николая Львова (1751-1803 гг.).

Товарищество «Свинец и Кобальт»,

видео-инсталляция *Ловчий фрагмент. Русское стерео*, 2016.

Еще одно направление индустриального классицизма – соединение архитектурной фотографии с «имперским квиром» – наиболее ярко представлено в творчестве Натальи Жерновской. Люди, военная техника и архитектура подчиняются в ее проектах единым законам соблазнительного имперского порядка.

Наталья Жерновская, *Парад*, 2008.

Художники индустриального неоклассицизма визуализируют эстетическую утопию «Новой Античности» как альтернативы хаосу неолиберального глобализма, приведшего, по их мнению, к «Новому Средневековью» с его этно-национализмом, раздробленностью, иррациональностью и неконтролируемой эмоциональностью. Эта же метафора порядка и рациональности является константой в риторике Путина, что постепенно привело к формированию соответствующей государственной эстетики. Свидетельствами консервативной революции в официальной культурной политике можно считать урбанистические проекты, где центральное место занимает восстановление архитектурных ансамблей сталинского периода, и [новую музейную политику](#), направленную на сотрудничество с Ватиканом и ведущими музейными институциями континентальной Европы.

Хотя официальные российские медиа уделяют много внимания успехам страны в военной и космической промышленности и крупным инфраструктурным проектам (таким как [сооружение](#) Керченского моста в аннексированном Крыму), неоиндустриализм пока еще не стал частью официальной риторики Кремля – возможно, потому, что программа «нового индустриализма» была предложена Трампом. В России идеи второго модернизма и промышленного суверенитета пока еще не вышли за пределы консервативного авангарда, но в условиях нарастающей международной изоляции России этого можно ожидать в недалеком будущем.

Денис Егельский, *Сталевар*, 2015

теги

[conservatism](#)

[eurasianism](#)

[nationalism](#)

[Engstrom](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu